

Элизабет МАРК, собственный корреспондент «Литературной газеты»

НА прекрасной Карлсхире — белый плакат. Текст обращения австрийских епископов к своей пастве...

Н. С. ХРУЩЕВ преподносит Президенту Австрийской Республики А. ШЕРФУ копию вылета, доставленного советской космической ракетой на Луну.

В 11 часов по обе стороны мостовой стоят густые шеренги празднично настроенных людей...

В 11.10 по площади с воном проносится один из полицейских мотоциклов...

В 11.25, наконец, раздается вой сирен — и сразу же тонет в гуле приветствия: «Браво, Хрущев!»...

И в первом шаге его в тот день было — воздать честь австрийским и советским людям...

И видится мне другая площадь, под другим весенним солнцем...

Дунаем, во Флоридсдорфе, в скверике умирали три австрийца — борцы Сопротивления...

Трубит труба. Траурная музыка. Почетный караул стоит спиной к зрителям...

А вы, господа епископы, разве забыли, что кафедральный собор святого Стефана...

Сегодняшний день главы Советского правительства заполнен от отказов...

«Оризон» «Винер шейтунг» указывает в заголовке: «Весь мир смотрит на Австрию»...

ВЕНА. 1 июля. (По телефону)

Рождаемый у океана

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

Сегодня Владивосток празднует день своего рождения. Ровно сто лет назад...

Удивительна я осень стояла тогда в Приморье...

До самого ноября держалась знойная теплыня...

«Семен Тутученко замешкался на мосту... Мы ехали рядом. Всегда веселый...

«Хотите, скажу. Увидел город. За два года — в первый раз... Я ведь архитектор»...

«И снова задумался. Я смотрел, как его руки, руки будущего зодчего, перебирают гряду коня»...

«Знаете что, давайте поедим по городу. Должно быть, это была самая бесцельная»...

«Зеленые насаждения в городе у нас сейчас больше. Площади для новых застройщиков»...

«И вот пришел время использовать все эти преимущества. Прозревшие архитекторы»...

«Имена многих из них уже давно и хорошо известны горожанам. Вот Татьяна Николаевна Дружинина»...

ЖУРНАЛЫ В ИЮЛЕ

«ДРУЖБА НАРОДОВ» — 20-летие Советской власти в прибалтийских республиках...

«ЗНАМЯ» — Всплеском к нашим современным реалиям «Люди»...

«ЗВЕЗДА» — Журнал публикует в этом месяце повесть А. Клепача...

«НОВЫЙ МИР» — Июльская книжка Е. Дороша «Четыре времени года»...

«ТЕАТР» — На первых страницах опубликована новая повесть И. Погодина...

«ЮНОСТЬ» — Начало романа В. Катаева «Зимний вечер»...

ТАИНСТВО? НЕТ, ПРИЗВАНИЕ...

Валентина ЕЛИСЕЕВА

ЭТОМУ НАУЧИТЬ НЕЛЬЗЯ

Учитель уходил на пенсию. День этот, торжественный и грустный...

Дело происходило в Есеновках, в сельской школе Калининской области...

«Оригинальная часть близилась к концу. Один за другим подходили к столу президиума ребята»...

«Владимир Иванович сидел за столом президиума, чуть откинув назад бритую круглую голову»...

«Да, кругом сидели ученики его. Они были здесь, в зале, в каюмном деревянном доме»...

«Нельзя и рассказывать об изумительном искусстве педагога, как нельзя объяснить тайну создания талантливой книги»...

«Можно записать, зафотографировать, наконец, записать на пленку искусно проведенный урок»...

непрерывное творчество, непрерывные поиски, а находишь в процессе этого творчества не втиснешь даже в самую совершенную методическую разработку»...

«Так что же? Педагогическое мастерство некое таинство, которое невозможно познать? Нет, это призвание»...

«Многому можно было научиться у супругов Головиных. А прежде всего огромному уважению к тем деревенским маленьким ребятам»...

«На дверях этой школы с полным основанием можно написать слова Макаренки: «Никаких детских катастроф, никаких неудач, никаких процентов брака»...

«Вот уж истинно живой, без хрестоматийного глянца. Макаренко здесь, в Перевинке, своей родной школе»...

«И опать тот же «прозрачный» вопрос: как рассказать о сути мастерства учителя? Совсем ведь не просто добиться того, чтоб двадцать ребят, разных по возрасту»...

«Гости уходят, учителя, записывают. Один осмысливает виденное творчески — и это приносит свои богатые плоды»...

«Хоченча, смеясь, замечает обычно: «Вот и не надо, как я. Свое, свое вносите»»...

искусственное озеро, созданное еще в петровские времена. Школа небольшая, начальная, каких в одной только Российской Федерации наберется больше семидесяти тысяч»...

«Представьте класс, а в классе одиннадцатилетний мальчик все ребята — от первого до четвертого. Каким чудным и искусным дирижером надо быть, чтобы улавливать одновременно все звуки этого оркестра и управлять им»...

«На дверях этой школы с полным основанием можно написать слова Макаренки: «Никаких детских катастроф, никаких неудач, никаких процентов брака»...

«Вот уж истинно живой, без хрестоматийного глянца. Макаренко здесь, в Перевинке, своей родной школе»...

«И опать тот же «прозрачный» вопрос: как рассказать о сути мастерства учителя? Совсем ведь не просто добиться того, чтоб двадцать ребят, разных по возрасту»...

«Гости уходят, учителя, записывают. Один осмысливает виденное творчески — и это приносит свои богатые плоды»...

«Хоченча, смеясь, замечает обычно: «Вот и не надо, как я. Свое, свое вносите»»...

одним из серьезных недостатков нашей школы до перестройки была некая инвентарность уроков. Инные ретивые инспектора отелов народного образования одной только мерой и оценивали труд учителя: точно ли соблюдал он все предписания методических разработок»...

«Увы, оставались еще и подобная регламентация, и подчинившая распространение северная традиция «думать за учителя»»...

«Успехи Хоничевой потому и значительны, что она думает, ищет, дерзает. Она сумела связать обучение с трудом, с широко понятным нравственным и эстетическим воспитанием»...

«В такой маленькой школе, где учитель один, — он все и директор, и завуч, и классный руководитель, и режиссер, и хормейстер»...

«Каким же должен быть у нее рабочий день? Вот об этом стоит поговорить особо»»

«Трудовой день у Екатерины Павловны складывается так: за сорок пять минут до начала занятий она приходит в школу»...

«Все делал, как вы, а не получился... Хотенча, смеясь, замечает обычно: «Вот и не надо, как я. Свое, свое вносите»»

«В простях этих словах заключена, мне думается, большая глубина. Ведь

НАКАНУНЕ УЧИТЕЛЬСКОГО СЪЕЗДА

одним из серьезных недостатков нашей школы до перестройки была некая инвентарность уроков. Инные ретивые инспектора отелов народного образования одной только мерой и оценивали труд учителя: точно ли соблюдал он все предписания методических разработок»...

«Увы, оставались еще и подобная регламентация, и подчинившая распространение северная традиция «думать за учителя»»...

«Успехи Хоничевой потому и значительны, что она думает, ищет, дерзает. Она сумела связать обучение с трудом, с широко понятным нравственным и эстетическим воспитанием»...

«В такой маленькой школе, где учитель один, — он все и директор, и завуч, и классный руководитель, и режиссер, и хормейстер»...

«Каким же должен быть у нее рабочий день? Вот об этом стоит поговорить особо»»

«Трудовой день у Екатерины Павловны складывается так: за сорок пять минут до начала занятий она приходит в школу»...

«Все делал, как вы, а не получился... Хотенча, смеясь, замечает обычно: «Вот и не надо, как я. Свое, свое вносите»»

«В простях этих словах заключена, мне думается, большая глубина. Ведь

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ

- ★ Вена рукоплещет Н. С. Хрущеву.
★ Владивосток — 100 лет.
★ Труды и дни сельского учителя.
★ Работает «Бюро обслуживания».
★ В Овечкин о внимании к отстающим.
★ Стихи Алексея Суркова.
★ Новая встреча с Гавриком Чернованенко.
★ Второе заседание нашего «Клуба».
★ На улицах Вены. Фоторепортаж А. Стефанова.
★ В. Киселев: Ищу консерватора...

36 МИЛЛИОНОВ КНИГ

Последние годы Гослитиздат пребывал в большом долгу перед читателями: планы изданий не выполнялись. И вот приняты новые планы первого полугодия 1960 года издательствам: вместо 275 выпущено в свет 297 названий книг...

(Окончание на 2-й стр.)

О СОВЕЩАНИЯХ, КАКИХ ЕЩЕ НЕ ПРОВОДИЛИ

В ЗРИТЕЛЬНОМ зале драмтеатра проходит областной съезд передовиков сельского хозяйства. Партер балконы — все до последнего кресла было занято председателями, бригадирами, животноводами, механиками из лучших колхозов области. Поскольку это было совещание передовиков, разговор, естественно, шел больше о достижениях. Каждый выступавший начинал с рассказа о производственных победах его фермы, бригады, колхоза и кончал обязательствами добиться еще лучших показателей.

Валентин ОВЕЧКИН

В перерыве я вышел в сквер у театра. Подошел колхозник, видно, не из делегатов съезда, с мешком, одетый не по-праздничному, подсел ко мне на скамейку, скинув тяжелый мешок на землю.

— Это что же тут за собрание идет? — спросил он, указывая на загромаздившие всю площадь у театра грузовики и легковые машины.

Я сказал ему, что за собрание.

— Передовики? Хорошо. Вон сколько машин! Народу-то привезли!.. А из отставших колхозов не пускают туда представителей?

ругали нас, а послушали. Мы бы рассказали! Кто лучше нас знает про нашу жизнь? Никакой передовик не боится так о нас, как мы сами. Они умеют и забыли то время, когда сами колхозники на трудностях получали. Второй номер. Мой. На вокзал. Ну, до свидания!

И, взвалив мешок на плечо, он зашептал к трамваю.

В САМОМ деле, почему мы проводим в районах и областях только вот такие совещания — передовиков сельского хозяйства? Почему перед принятием каких-то новых решений о деревне мы держим государственный совет только с представителями передовых, лучших колхозов страны? Из кого министерства составляют комиссии для разработки того или иного вопроса по сельскому хозяйству? Из представителей известных, а стало быть, богатейших колхозов страны. К голосу каких председателей колхозов прислушиваются больше руководители области, района? Конечно, в голосу выдающихся хозяйственников и организаторов, людей заслуженных, отмеченных наградами. Кто же будет принимать во внимание предложения и советы такого председателя, где и урожайный, и снот голодаст, и денег в банке на счету — ни гроша.

А почему бы и не принять во внимание? Разные есть отстающие колхозы. Есть такие, где надо немедленно сменить руководство, председателя и бригадиров, и дело, может быть, пойдет. Но есть и другие причины отставания.

Я знаю немало хороших людей в должностях председателей плохих колхозов. Послали их туда три-четыре года назад, работают они честно, добросовестно, бьются изо всех сил, но вот — не получается. Почему? Об этом надо их самих расспросить подробнее.

Если бы отстающих колхозов у нас в стране было только один процент, и то мы должны принять какие-то специальные решения о них. Один процент — это сотни тысяч колхозников. Сотни тысяч людей, желающих и имеющих право, как и все, жить хорошо.

Надо бы держать совет о деревенских делах не только с передовниками сельского хозяйства, но и с отстающими. У богатых колхозов — свои проблемы, нужды, запросы. Им — построй побольше консервных заводов недалеко от их садов и огородов, дай строительные материалы в неограниченном количестве, оборудование для мастерских, чтоб ремонтировать технику собственными силами, дай набор новейших машин для комплексной механизации — все возьмем, деньги у них найдутся. У них и организационные задачи иного порядка. И так работы много оплачиваются, там колхозники не очень дорожат уже и своим подсобным хозяйством.

Перед отстающими же — другие проблемы. Вальти эти разные проблемы в одну кучу — все равно что посадить за стол человека, который три дня не ел, и такого, что недавно сытно пообедал, и предлагать им одно и то же угощение в одинаковом количестве.

Почему бы не проводить время от времени в областях и, может быть, при министерствах сельского хозяйства совещания с представителями отстающих колхозов? Не «собрания лодырей» с вручением им роговизны знамен — боже упаси! Никому не придет в голову возродить эти осужденные в свое время идиотские формы «массовой работы». Нет смысла, конечно, приглашать на эти совещания заводских бездельников или пропойц, кандидатов в отставку — ничего умного от них не услышишь. А пригласить бы именно вот таких председателей, бригадиров — честных тружак, но у которых «не получается». И поговорить с ними по душам. И не надо ухаживать в дремучий

лес с такими совещаниями. Провести их в тех же помещениях, где и слеты передовиков собираем, но без музыки, без фанфар, без приветствий от пионеров. Очень серьезные и деловые совещания. Даже, может быть, без строгого регламента для выступающих. И, конечно, без шаргалок, этого бича многих наших собраний. Создать на этих совещаниях особую атмосферу дружеского участия и искреннего желания экономически, слабая колхозники — чтобы люди рассказали откровенно обо всем до конца, — что мешает им поднять отставшие в свое время по ряду причин и продолжающие отставать до сих пор колхозы.

МНОГОЕ зависит от председателя, от его энергии, способностей, душевных человеческих качеств, многое, но — не все. Есть предел его возможностям — вот это он в состоянии осилить, сделать сам, с помощью партийной организации и колхозного актива, а это уже — вне его возможностей, ключ к решению этих вопросов не в его руках и даже, может быть, не в руках районных и областных организаций. Здесь нужны меры высшей компетенции, какие-то большие организационные изменения, что-то новое в методах руководства колхозным строительством или, во всяком случае, в методах подвига экономически маломощных колхозов.

Может быть, этому «без вины виноватому» отстающему колхозу мешает продвигающееся администрирование местных властей и сельскохозяйственных органов, навязывающих ему сверху шаблонные рецепты на все случаи жизни? Старый, известный далеко за пределами своего колхоза председатель да еще, может быть, Герой Социалистического Труда — это фигура солидная, уважаемая, с ним считаются, он уже убедительно доказал фактами колхозных урожаев и доходов, что — и сейчас же. А у молодого председателя, недавно поставленного, ничего видного еще не совершил, — какие у него есть основания и право спорить, артачиться, делать на полях и на фермах что-то не совсем в точности так, как предписано из областного сельхозуправления или райисполкома?

Может быть, не джигиты до конца формализм, губительный во всяком случае, а в руководстве сельским хозяйством особенно, связывает творческую инициативу колхозников, не дает возможности и посланным председателю в полную силу проявить свои организаторские способности? Может быть, местами соревнования районов и областей в выполнении планов и обязательств превращается в своего рода спорт, в погоню лишь за лучшими показателями на сегодня — без особой заботы о том, что последует завтра?.. И все это, что мешает и передовикам быстрее развиваться и богатеть, с основной силой бьет по хозяйственно слабым колхозам?

Но я не собираюсь предугадывать вопросы, которые могут быть подняты колхозниками на таких совещаниях. Не в этом дело статьи. Ни один журналист, ни один писатель, как бы пристально ни занимались они деревенскими темами, не вскроют и не охватят в своих статьях всего того, что могут высказать сами практики колхозного строительства.

Много у нас проводится всяких собраний, совещаний, в том числе и ненужных, лишние, зря отнимающих у людей рабочее время, пожирающих огромные суммы государственных денег. Бывают совещания и просто вредные — так как они создают видимость какого-то дела. Но думается, что от таких совещаний — с представителями отстающих колхозов, — если провести их не формально, не боясь отступления от шаблонов и искренне желая докопаться до причин неудач в этих колхозах, польза была бы немалая.

Ведь действительно, «своя рубашка ближе к телу», и никто так много и лучше не думает о преодолении отставания, как сами отстающие.

— Да нет, я-то не пойду туда. Какой я представитель! Мне на вокзал надо. Домой еду. Трамвай жду. Просто интересно... О чем же они там совещаются?

— Ну — как еще больше поднять урожайность, доходы.

— Это дело. На месте никому нельзя топтаться, надо двигаться вперед. Передовики... — колхозник вздохнул.

— А об отстающих там речь нет?

— В докладе была речь о них. А в прениях, конечно, передовики больше о себе говорят.

— Ну, ясно. Своя рубашка ближе к телу. Какая им печаль об отстающих. Они свои трудности переборзели... А нас, только и знай, в газетке поругивают. Да упоминаясь шумят на нас. А сюда, — он кивнул на подъезд театра, — не приглашают. Передовики... Отделились от нас, как святые от грешных.

Я спросил, из какого он района и много ли у них там отстающих колхозов.

— Точно не скажу, сколько, но есть. Да вот взять наш колхоз, — как началась война, о том самом времени и не видели мы хорошей жизни. Продашь к соседям — другие царство-тогдашнее. Денег получают поному, горы леса навезли из Кировской области, новые дома строят. А у нас — один долги да просрочки. Их, соседей-то наших, и война как-то стороной обошла. Не при большой дороге. А наше село было на самой передовой. Четыре раза фронт через наше село перекатывался туда-сюда. Ни одной коровы, ни одной хаты в селе не уцелело. Так и пошло с первых послевоенных лет: соседи три шага вперед делают, а мы — пошлага, они еще пять шагов, а мы — шаг. Как отстали с самого начала, так и до сих пор. То председатели были пьяницы, нечестные на руку, а теперь вот у хорошего человека попался, три года уже у нас, видно, старается, но все не спит, и башка у него, вроде варит, и к людям хорошо относится, а вот — не получается. Никак не вылезем из нужды.

Показался из-за угла трамвай. Колхозник встал.

— Все с передовиками совещаются, все с ними. А как я сейчас вот зашел туда да попросил слова, так, гляди, и не дали бы. Засмеяли б. Куда ты, мол, в калашный ряд? Ты на эту трибуну и взойти не достоин. Тут одни передовики собрались, люди знаменитые... А что же нам, невзначайным, делать? Как нам от нашего позора избавиться?.. Собрания у нас, ну, если недостойны с передовиками колхозниками в одном помещении сидеть, собрали бы отдельно, без поместей, без музыки, может, и не в театре, а где-нибудь за городом, в лесу, и поговорили бы с нами. Да чтоб не

ТАИНСТВО? НЕТ, ПРИЗВАНИЕ...

(Иронично. Начало на 1-й стр.)

Идет домой и учительница. Надо проверить сорок тетрадей. Немало времени займет подготовка к следующему занятию. Надо почитать, а в одинадцать — спать.

— Но это же слишком большая загрузка! — ахает я.

— А как же иначе? — удивляется в свою очередь Хоничева. — Какими часами и минутами ограничить вы деятельность сельского учителя? Меньше всего времени отнимают у него уроки. Ну вот я кончила занятия и иду домой. По дороге встретила Ивана Ивановича, надо с ним поговорить о сыне. Подошла мать девочки посоветоваться о ее здоровье... В городе, может быть, все это можно сделать на родительском собрании, а здесь мы, учителя, целый день на виду. Дело у нас такое! Дни и ночи, все тебя целиком забирает.

Дни и ночи... Да, это так! И, думается, никакими специальными постановлениями не заставишь таких учителей, как Хоничева, укладываться в строго нормированный день. Но есть одна обязанность, от которой, к счастью, Екатерина Павловна освобождена, но которая гирями висит на сельском учителе. Обязанность эта мешает учителю отдаваться воспитанию детей, мешает ему творчески расти, отнимает у него уйму времени. Речь идет о личном хозяйстве.

рочная традиция считать учителя человеком инородным.

Порой сталкиваешься прямо-таки с возмущительными вешаки.

Живет с двумя детьми и мужем в деревне Матвеево, входящей в колхоз «Серп и молот», учительница Вера Николаевна Молчанова. Муж ее работает в лесхозе, она — в Есенинской школе. Была у Веры Николаевны корова. Пришлось продать — нет покоса, а тут новая неприятность: колхоз установил для оплаты за электроэнергию как бы три категории плательщиков. К первой отнес семью, где все состоит членами колхоза, ко второй — где есть хотя один колхозник, в третью попали все неработающие в нем. И по-прежнему правление взымать с этой третьей категории двойную оплату за электроэнергию. Все было бы правильно, если такое постановление позволило бы прижать лодыря-плательщика, тунеядца. Но, — вымолвил трудно, — и этой категории колхоз отнюдь не учитель. Основанием для такой вопиющей несправедливости послужили все те же формальные признаки: в колхозе не состоит. Да разве труд, который вносит в него Хоничева, Новожилов, десятки других учителей, отдающих себя воспитанию детей, разве менее он значителен, чем труд полевода или животноводца! Да как можно, наконец, проявлять такое неуважение к личности учителя!

Здесь же, в районе, я услышала и о таком факте. Колхоз электрифицировал деревню. Правление предложило учительнице выйти на установку столбов. Она хворала и не смогла этого сделать. Ей сказали тогда, чтобы она внесла пятьсот рублей — плату, по существу, за невыполнение работы. У нее не оказалось таких свободных денег. Ее лишили электричества. И вот теперь, освещенная электричеством, в единственном лишь доме горела керосиновая лампа. При свете ее учительница проверяла тетради колхозных ребятнишек.

Ну, разумеется, факт исключительный, и я предвижу, что многие колхозники прочтут такое и удивятся: как же могло произойти подобное? Но ведь по логике предшествовала цель более деликатная — неуважительное отношение к учителю, а с ними сталинскими методами — пожалуйста. А так нет... Невозможно.

Но стоило только завести разговор о необходимости продавать учителям молоко и другие продукты питания, как тут же руководители колхоза от благодушных заверений переходили на сугубо деловой тон: нет-де, колхоз этого сделать не может. Вот если в счет государственных закупок — пожалуйста. А так нет... Невозможно.

В Серге и Молоте» более восьмидесяти колхозов, коллектив средней школы, понаблюдать было не вест, сколько молока. А там, где школа начальная, — и вовсе пустыня. Но во многих местах сложилась скверная и совершенно по-

ЭТО — ХОРОШО. ЭТО — СОВРЕМЕННО!

ПОКА ВЫ РАБОТАЕТЕ (а вы к тому же еще и хозяин), ни о каких покупках в магазине не может быть и речи. В лучшем случае, это можно сделать в обеденный перерыв, а ущерб влывшему же времени. Но, может быть, есть какой-нибудь другой выход из положения? Оказывается, есть.

На «Трехгорку» мануфактуру в определенные часы приезжает представитель гастрономического магазина № 20. У него список товаров, с которым знакомятся работники фабрики. И они заказывают то, что им нужно. Назавтра, к концу смены, происходит выдача заказов здесь же, на фабричной территории. Обычно на «Трехгорку» делается 180—200 заказов.

Представитель магазина № 20 принимает такие заказы и привозит продукты сотрудникам Всесоюзного научно-исследовательского и конструкторского института химического машиностроения, Госплана СССР и института «Гипропроект».

А всего в Москве, как нам сообщили в Управлении торговли продовольственными товарами Мосгорисполкома, уже насчитывается свыше 530 предприятий, строек и учреждений, коллективы которых обслуживаются таким же образом.

Чтобы человеку легче было... Под этим девизом наши чехословацкие друзья демонстрировали не только инструменты. Вот, например, кухня в квартире. Ну какая хозяйка не будет приветствовать это старинной чистоты, удобное оборудование? И это расположено в одну линию, что называется, под рукой? Или мебель. Кажется, проще уж никак. Но зато и по удобству, по изяществу, по габаритам тоже, кажется, трудно придумать что-то более совершенное. Вещи сделаны с душой о человеке, который будет ими пользоваться. Даже с любовью к человеку. И этому стоит учиться!

Фото М. Трахмана.

В ГОСТИ ИЦЕ Мелочи жизни

В столице Довбасса имеется горячая и холодная вода.

Она имеется в каждом номере, независимо от того, какой на него тариф. Вода есть, она горячая, она льется не только в отчетах по коммунальному обслуживанию населения, но главным образом наяву, что населению гораздо важнее.

Однако пользоваться этой водой нельзя. Не нельзя пользоваться потому, что человек не в состоянии мыться кипятком.

Издавна люди заметили, что наткнувшись на кипяток, необходимо разбавить его холодной водой. Холодная вода имеется рядом. Она действительно существует. Она холодна и льется тоже наяву. Но кран с холодной водой и кран с горячей водой никакого отношения друг к другу не имеют. Они торчат отчужденно и, вероятно, проходят по разным ведомствам стройной коммунальной системы. Они не соединяются. И разные воды можно смешивать только в ладонях.

Если бы мне сказали, что в этой гостинице горит горячая вода, я первый бы квалифицировал подобное заявление, как клевету на гостиничную действительность. Но, дорогой читатель, ведь воды-то нет! Ее нет потому, что ею нельзя пользоваться по назначению.

Эту воду греют котельщики, на ее отпуске тратится топливо, за нее платят жильцы и ею хвалятся коммунальщики. А воды нет! Воды нет потому, что между кранами не смонтирована простенькая двадцатисантиметровая трубка с отверстием посередине. Маленькая трубка — результат многовековых стремлений человечества ее ошпарить...

Это мелочи жизни. В конце концов, из

холодного крана можно умыться, а из горячего напиться чаю. Не надо привередничать.

Но вы заметили, дорогой читатель, что люди стали «привередничать» все больше и больше? И это происходит вовсе не потому, что у человечества портится характер. У этого есть своя причина: мы живем богаче и благоустроеннее.

Во всех крупных, да и не только крупных городах установлены торговые автоматы. Но действуют они главным образом тогда, когда еще работают магазины. После этого священного часа папирос не купите даже в Москве. Нужно ехать на вокзал или умалить борзатого швейцара возле кафедральных ресторанов деревьев. Так что автоматы вроде бы есть, но вроде бы их и нету...

Конечно, и это мелочи. Куренье вред, и нечего шаться по ночам. Надо дома сидеть.

Люди, как говорится, стали требовать в чайной чаю. В их хлестаках повсюду странной уклон в сторону рационального использования предметов.

В краевом городе через главную улицу шагает солидное электротехническое сооружение — неоновый светящийся лозунг «Выполним головной план к двадцатому декабря». Но на это член электротехники никто уже не смотрит: чудок всем надо, как затянущаяся цирковая программа. Лозунг висит и играет красками уже несколько лет. Уже выполнялся план к двадцатому, к пятнадцатому и даже к одиннадцатому. А честное электричество продолжает звать вперед без страха и сомнений. И звать к той date, которая была установлена когда-то, кем-то, на каком-то заседании, о котором все уже забыли.

БУМАЖНОЕ МНОГОПУДЬЕ

Допустим, все закончилось хорошо. Коровы поросята и общему удовольствию покинули учительский двор, и ведь педагога стал более свободным. Можно ли высвободить еще минуты, чтобы жить, и часы для отдыха, для чтения?

— Вот если б бумага нам поубавилась, — мечтательно заметила молодая учительница.

Оказывается, не только врач рвется из бумажного плена. В меньшей мере, но писания в какой-то степени «заелает» и век учителя. При этом многое пишется не для дела, а для показухи, для представления комиссиям инспекторам и т. д. и т. п. Старый опытный учитель находит часто сам пути, как поубавить у этой бумажной гидры количество голов, но многие терпятся.

Самое бурное бумажное половодье начинается обычно в конце учебного года. Возникает оно из небольших сравнительно ручейков — годовых отчетов учителей. Далее нарастает бумажное многопудье отчетов школ, районов (порой по 40—50 страниц), и все эти бумажные реки образуют даже в пределах одного района изрядное отчетное водохранилище. Освободить его физически невозможно. Поэтому большая часть этой оплывающей литературы обращается в макулатуру. Но поток лезет дальше — в область, в республику...

Ну, конечно, нужны и отчеты, и планы, и разработки, но в таких урезанных масштабах, чтобы они помогали делу, а не захламляли его.

Не стану перечислять все нужные и ненужные бумаги, которые подлежат вестии учителю. Скажу об одной.

На столе у директора школы Николая Алексеевича Быстрова я увидела рядом с аттестатами зрелости кипу характеристик на выпускников. Один за другим читала я эти «анамнезы» на оперившихся еще птенцов, только-только вступающих в жизнь. И передо мной вставало некое безликое и безызычное существо. Подпись и печать свидетельствовали, что это существо принимало активное участие в производительном труде, выполняло все работы по самообслуживанию и состояло в ДОСААФе. В обращении со старшими оно было вежливо, но на критику реагировало болезненно.

Позднее, на вечер, когда ребята получали аттестаты зрелости, отступили и, слава богу, стерлись в памяти эти ненужные и никчемные рекомендации, а перед глазами проходили удивительно

милые и такие разные, духовно богатые юноши и девушки! Сидящая рядом учительница торпливым шепотом подсказывала мне:

«Это Юра... наш секретарь комсомола. Мать у него уборщица. Он все-все помогает ей делать — и полы мыть, и по хозяйству, и за братишкой... Решил остаться в колхозе... А это Таня... Живописно увлекается. Видели в коридоре нашу «Малую Третьякову»? У нее верте, когда Таня начинает мальшам «читать» картину, — взрослые заслушиваются».

Я дала от мысли ставить в упрек директору, подписавшему характеристики, отсутствие глубины в них, или блестящего стиля. Если б он смог действительно полно и ярко раскрыть характер каждого из выпускников, такого директора с его характеристиками-новеллами следовало бы принять в члены Союза писателей. Но ведь подобные портреты не создашь, а писать о том, что парнишка состоял в ДОСААФе и на критику реагировал болезненно, — занятие бесплодное. Во-первых, эти бумажки никого и ничего не характеризуют. Во-вторых, нечаем юноше или девушке вступать в жизнь с некоей канцелярской документацией, в коей зафиксированы их добродетели и пороки. В-третьих, не надо загружать учителя ненужной писаниной. На руках у выпускника есть аттестат зрелости, а в оплывающей бумаге выдают и еще один прекрасный документ — свидетельство о присвоении разряда.

...Рейсовым автобусом добралась я до районного центра — Вышнего Волочка. Здесь же, неподалеку от автобусной остановки, установлена галерея портретов новаторов производства и сельского хозяйства. Ее открывал знакомый и дорогой сердцу портрет Валентины Гагановой. Здесь, в Волочке, работает она на хлопчатобумажном комбинате, здесь она начала движение, охватившее всю страну и ставшее символом коммунистического отношения к труду. Рядом с Гагановой — портреты рабочих города, передовых колхозников района.

Если не читать подписей, можно любого принять за представителя интеллектуального труда — за учителя, инженера, врача. Это подлинное новаторство, рыцарские подвиги, пиотмы нашей школы.

Увы, как не хватало в этой галерее еще одного портрета, портрета, ну, допустим, одной из лучших учительниц здешних мест Екатерины Павловны Хоничевой. А может быть, других педагогов. Ведь хороший учитель — всегда новатор.

Гор. КАЛНИН

Получается странная штука: агитация вроде бы и есть, но ее как бы и нету... Электричество на нее отпускается ежевечерне. А тем не менее нельзя сказать, чтобы улицы этого города были удовлетворительно освещены.

Тогда, конечно, мелочи жизни. Осточертевший трафарет уже перестал действовать из нервы, он притерся, и его уже не замечает никто, кроме заведующего этим трафаретом. Так что его вроде как бы уже и нету. Но ведь он-то есть!

Это вопиющее противоречие между присутствием отсутствия и отсутствием присутствия превратилось в наши дни в какую-то странную, вполне материализованную форму мнимости. Я говорю «наши дни» потому, что именно в наши дни наблюдается невиданный никогда прежде расцвет производительных сил общества, расцвет материальный, культурный, духовный. У нас есть сегодня все и будет еще больше завтра. И каким нужно быть гением, чтобы ухватиться компримитивно реальные вещи!

Несколько лет назад побрела железная дорога. Она позволяет пассажиру задержаться на целых десять дней в пути, не теряя права на дальнейший проезд. Пассажир прибывает в облюбованный город. Конечно, он стремится к родным. Конечно, он рвется осмотреть зуб монета в краеведческом музее. Но если он немедленно не ложится дежурному по вокзалу — ему будет плохо. Пассажир должен стать в очередь и с чемоданом в руке обрести право свое на рюмочку и на мамонта. Дежурный меланхолически прикладывает нечто фиолетовое к билету, без чего билет негоден. А зачем? Зачем заставлять простого человека начинать свой десятидневный радостный путь с бессмысленного шага? Вероятно, железная дорога произвела настолько крупные капиталовложения, настолько фиолетовые печатки, что позволить человеку не докладывать о своем прибытии свыше ее сил.

Таким образом, железнодорожная доброта как бы существует, но она как бы и не существует.

В этом фиолетовом нет ни одного слова о достижениях. Здесь идет разговор только о достижениях, о реальных вещах, которые существуют, наличествуют, имеются, но доступ к которым затруднен великими изобретениями неприятностей.

Этим изобретениями нелегко жить на свете. Им страшно трудно погнать указатель обезда на прекрасной автомагистрали, невероятно тяжело открыть вторую половинку двери в новый магазин и никакими душевными сил не хватает шевельнуть пальцем, чтобы довести до логического конца какой-нибудь прекрасное и полезное дело...

Леонид ЛИХОДЕВ

ПОЛУШУТИВНОЕ стихотворение Б. Зелинского о «физике» и «литературе» является лишь поводом для серьезной дискуссии о месте и путях развития искусства и литературы в современности — дискуссии, которая, по сути, назрела давно.

В ней выразились одновременно и гордость нашей наукой, и страстное желание разобраться, почему сегодня искусство отстает от жизни и от науки. Однако кажется, что с самого начала разговор, развернувшийся на страницах печати, приобрел несколько однобокий и даже абстрактный характер, перейдя в назидательный спор: нужны ли лирики и вообще искусство обществу, решающему сегодня загадки космоса и постигающему тайны электроники.

В результате в дискуссии, хотели этого выступающие или нет, с неизбежностью утвердилось упрощенное представление о связях искусства с реальной жизнью. Эти связи оказываются сведенными к единственной проблеме — соответствию или несоответствию эмоционально-эстетического формам освоения человеком сегодняшнего дня, уровня его научных, в первую очередь технических знаний. Недаром ныне критики, выступающие в развернувшейся споре, стали искать пути дальнейшего развития художественного творчества, главным образом, в сближении его с наукой.

Тенденция эта выявилась, например, в статье П. Антокольского «Поэзия и физика» и особенно отчетливо, так сказать, в развернутом виде, в двух больших выступлениях К. Зелинского на страницах «Литературной газеты».

П. Антокольский, говоря об «очень большом разрыве» между научным и художественным мышлением и аргументируя это тем, что «не одно из произведений современного искусства — ни поэма, ни симфония, ни роман, ни фильм, ни статуя — решительно не может похвалиться такими же ошеломляющими победами», «окружающей действительности и размахом, какие присущи космическим полетам и лабораторным открытиям тайн материи, допускает, в сущности, механическое приравнивание специфических путей развития и задач художественного творчества к современному состоянию и задачам науки.

К. Зелинский, в пространной статье «Камо грядеши?», как бы продолжая сказанное П. Антокольским, настойчиво проводит мысль о якобы неизбежном сужении сферы художественного мышления. И не случайно рассуждения о неотвратимости победы научной формы мышления, об «одностороннем характере развития цивилизации» и «увлечении точными знаниями», становящиеся уже программой жизни, критик подкрепляет примерами проникновения математики в смежные области естествознания.

Правда, во второй статье К. Зелинского «Научная революция и литература» нет прямых утверждений безразличности перспектив развития художественного мышления. Критик уже соглашается с жизненными фактами, с тем, что «ничто «множество устремлений к искусству или в само искусство», что «методы формализованного познания мира... никогда не заменят, не вытеснят того, что могут дать человеку искусство и художественная литература». Но признавая, таким образом, что предметы науки и искусства различны,

К. Зелинский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В статье «Научная революция и литература» («Литературная газета» от 18 июня с. г.) выпала ссылка на одну из цитат Фрауэ о стиле Чехова следует читать: «...стиль Чехова, отличающийся простотой и непосредственностью, славя которую, вырвавшись словами Монтеня, «просвечивает добросовестность автора, свободное от тщеславия, когда он говорит о себе, и от зависти и пристрастия, когда он говорит о других».

Автор присисит свои извинения читателям.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В статье «Научная революция и литература» («Литературная газета» от 18 июня с. г.) выпала ссылка на одну из цитат Фрауэ о стиле Чехова следует читать: «...стиль Чехова, отличающийся простотой и непосредственностью, славя которую, вырвавшись словами Монтеня, «просвечивает добросовестность автора, свободное от тщеславия, когда он говорит о себе, и от зависти и пристрастия, когда он говорит о других».

Автор присисит свои извинения читателям.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В статье «Научная революция и литература» («Литературная газета» от 18 июня с. г.) выпала ссылка на одну из цитат Фрауэ о стиле Чехова следует читать: «...стиль Чехова, отличающийся простотой и непосредственностью, славя которую, вырвавшись словами Монтеня, «просвечивает добросовестность автора, свободное от тщеславия, когда он говорит о себе, и от зависти и пристрастия, когда он говорит о других».

Автор присисит свои извинения читателям.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В статье «Научная революция и литература» («Литературная газета» от 18 июня с. г.) выпала ссылка на одну из цитат Фрауэ о стиле Чехова следует читать: «...стиль Чехова, отличающийся простотой и непосредственностью, славя которую, вырвавшись словами Монтеня, «просвечивает добросовестность автора, свободное от тщеславия, когда он говорит о себе, и от зависти и пристрастия, когда он говорит о других».

Автор присисит свои извинения читателям.

Зелинский ограничивается на этот счет лишь абстрактными декларациями, продолжая, по существу, сводить эти разные явления к одному знаменателю. Утверждая, как и раньше, что «воплощает быть математиком, что слагив в человеческой психологии (?) ведут современное человечество в науку и в сторону от искусства, автор по-прежнему считает научную революцию чуть ли не главным импульсом развития искусства в нынешних условиях.

В пространной статье, посвященной все-таки вопросам сегодняшнего положения литературы, почти не говорится о главном предмете разговора — литературе. Вряд ли кто-нибудь всерьез возьмется недооценивать значение величайшей научной революции, совершающейся на наших глазах.

Но в наши дни, так же как и в другие

ФИЗИКЕ—СВОЕ, ПОЭЗИИ—СВОЕ

века и эпохи, знавшие большие перевороты в области научных представлений о мире, общественное развитие не определяется и не исчерпывается успехами науки. Вряд ли можно напоминать спорным образом марксистского понимания общественной истории, так же как странно напоминать и о том, что искусство здесь принадлежит особая роль. Недаром всегда за Горьким мы называем литературу «человековедением».

Как «человековедение», литература призвана отражать не только успехи научных устремлений общества, но успехи и трудности во всех областях его сложной и многогранной жизни, а также богатый духовный мир современного человека.

И если мы, советские писатели, критики, говорим сегодня о разрыве строительства коммунизма в нашей стране, то это значит, что от литературы мы вправе ждать и требовать прежде всего отражения нового характера совершающихся изменений в жизни советского народа. Не правильное ли будет перенести возникший спор о состоянии нашего искусства с узкой колеиной дороги «искусство — наука» на широкий путь «искусство — жизнь»?

В дни крутого подъема науки, техники, народного хозяйства и всеохватывающего приобщения широких масс к культуре нам нужна, просто необходима своя «художественная революция». И у этой революции должны быть собственные пути и формы, не заимствованные из практики и теории научных переворотов.

Эти пути и формы дальнейшего развития искусства должны нас, литераторов, в первую очередь, и должны быть главным предметом обсуждения.

Нас не может, например, не беспокоить тенденция к безразличному представлению нашей жизни, характерная для многих литературных произведений.

Круг наших творческих интересов значительно шире, чем это вытекает из художественной практики. Задача, следовательно, состоит в «исследовании» и освоении героики всей материальной и духовной деятельности нашего народа, проявляющейся в самых разнообразных ее сферах, как то: в борьбе за подъем экономики и культуры, за укрепление мира во всем мире, дружбы народов, за утверждение новой морали...

Чувство времени должно быть обострено, наш художественный кругозор расширен.

Между тем именно сейчас особенно важно скажутся слабые связи литературы с жизнью народа. Особенно это касается поэзии.

Требования таких жанров, как проза и драматургия, почти всегда предполагающих сюжетность и широкую образную конкретность, так или иначе толкают авторов на обязательные поиски реального жизненного материала. Прозаики и драматурги как бы в большей степени поставлены перед необходимостью знать «окружающий мир». Поэты же, по крайней мере многие из них, находясь в плену некоторых особенностей своего жанра (необязательная сюжетность, бо-

льшая сюжетность, бо́льшая доступность условности и т. д.), привычки часто довольствоваться, так сказать, «мимолетными видениями». Отсюда поверхностное «насыщение» произведенной жизненным материалом, который, как известно, рождает образы, толкает на поиски нового.

Этот существенный изъян заметно сказывается, например, в крайней слабости крупных эпических форм поэзии.

Слов нет, малые формы (песни, стихотворения и т. д.) всегда занимали и будут занимать в культурной жизни народов значительное место. Однако если изумительно по красоте и содержательности народные песни были подобны ручьям и ручейкам, то эпические творения — «Махабхарата», «Илиада», «Одиссея», «Магелас», «Рамаяна», «Калеваля», «Давид Сусанский» и другие, — словно полноводные реки-гиганты, впитали в себя богатства общественно-исторической почвы целых

эпох и выразили биографии народов. Великолепны сонеты Шекспира, но всю глаубу человеческой психологии этот гений раскрыл только в своих знаменитых поэтических трагедиях. Гете лишь в «Фаусте» дал философски-обобщенную картину сложности и противоречий духовной жизни определенного исторического периода. Волшебная сила стихов Пушкина не перестает пленять людей, но фундаментальными поэтическими анциклопедиями значительных этапов русской истории являются его «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник».

По размаху и глубине, силе и темпу общественно-исторических преобразований советская эпоха не имеет ничего похожего и равного себе в прошлом. Мы закладываем фундамент новой истории общества. Как же может в это время молчать эпическая музыка, так много подарившая человечеству! Как же могут наши люди, духовный мир которых формируется в обстановке колоссальных преобразований и сдвигов, удовлетворяться нашей поэзией, редко находя в ней (ведь таких произведений, как «За далью — даль», еще так мало!) эпическое отражение всего происходящего!

Может, это и неприметно, но первый взгляд, но дальнейшие успехи искусства связаны с развитием эстетического воспитания широких масс, его потребностей. Конечно, куда проще сбрасывать искусство «с корабля современности», чем заниматься эстетическим воспитанием. А эта программа

назрела сейчас как самая насущная необходимость.

В области воспитания читателя нам, возможно, не мешает поучиться у творческих работников других видов искусства.

Художники Д. Шмаринов, В. Серов, А. Дейнека и другие выступили, как известно, в «Правде» с письмом «Любите прекрасное», выдвигнув в нем интересные предложения о популяризации изобразительного искусства.

Секретариат Союза композиторов СССР принял решение посвятить осенью этого года вопросам музыкально-эстетической пропаганды пением правления.

Настало время и нам начать такую же работу. Хорошо было бы обсудить вопросы эстетического воспитания на специальном пленуме правления Союза писателей СССР. Пожалуй, стоит подумать над предложением о создании «Общества распространения достижений искусства», с которым выступил на XX съезде Компартии Грузии один из видных советских поэтов Ираклий Абашидзе.

Мы — за самый всамделишный подход к современной литературе, за то, чтобы она не отставала от других областей жизни. Но не будем забывать при этом, что физика идет своим путем, а поэзия — своим.

Искания и дерзания — дух нашей современности. Третьяя чуткость к многообразию жизни, напряженные поиски нового — путь, на котором и перед поэтичным искусством откроется за далью — даль. г-р. ФРУНЗЕ

Сегодня
За круглым столом...

КРИТИК: ...спорит иодо совсем о другом!
ПОЭТ: быть людьми машинам ни доив...
БИБЛИОТЕКАРЬ: самый веский довод — хорошая книга.

«ДАЙТЕ МНЕ ИНТЕРЕСНУЮ КНИГУ!»

К БИБЛИОТЕКАРЮ массовой библиотеки в день приходит в среднем человек сто. И каждый предъявляет одно и то же требование: «Дайте интересную книгу!» Одному нужна книга, чтобы не заснуть в ночное дежурство, другому — чтобы скоротать время в автобусе по дороге на работу, третьему — чтобы приятно завершить день за чтением. Библиотекарь обязан подобрать такую книгу, которая именно этому читателю доставила бы удовольствие.

Библиотекарь — сам читатель, причём, обладающий вкусом, и не раз в течение дня его вкус сталкивается со вкусом читателя.

Вот приходит гражданин в полном сознании своего права на литературное развитие. «Дайте мне что-нибудь легонькое! Что-нибудь на мой вкус!»

Трудовой день библиотекаря делают однообразным бесконечные варианты одного и того же требования: «Дайте что-нибудь приключенческое», «Дайте что-нибудь из библиотеки военных приключений», «Дайте о рабочих или милиции», и наконец: «Дайте что-нибудь о шпионах!»

В детективе их привлекает только сюжет, который держит читателя в напряжении, пока он читает, и сразу же выпадает из памяти, как только он кончил читать. Но выдать детектив скучно.

А вот унащис старших классов. «Дайте мне «Отцы и дети» и, кроме того, еще что-нибудь художественное», «Дайте мне «Мать» Горького и еще что-нибудь почитать!» И напрасно будет убеждать библиотекаря, что не в силах дать что-нибудь более художественное, чем роман Тургенева, что Горького и «почитать» стоит. Умственно пробортовать: «Но ведь это же учебный материал!» — унащис уйдет из библиотеки, унося с собой в одной стопке с великими произведениями русской литературы какую-нибудь пустую книжечку, которая поможет ему «отдохнуть» от «Отцов и детей» и «Матери».

Библиотекарь не имеет права ограничиваться критикой читательского вкуса. Он обязан не только выдать книгу, которая удовлетворит читателя, но и возместить ему его вкус. Это трудная задача. В распоряжении библиотекаря нет ни времени, ни развернутых доводов, ни методов преподавания. Собственно, у него есть только одно действительное средство — дать читателю такую книгу, которая, удовлетворяя читательские требования, вместе с тем дала бы больше, чем то, чего требов читатель. Оружие библиотекаря — это хорошая книга. Но чтобы выдать такую, надо внимательно, без снисхождания, прислушаться к требованиям.

Читатель не искушен в словах. Чтобы угадать его подлинное желание, прежде всего надо не ловить его на слове.

«Дайте мне что-нибудь легкое!» — просит читатель. А затем, отбросив ряд пустых книг, берет роман Ремарка или повесть Ревемчука «Время летних отпусков». Слово «легкое» в читальском слогаре далеко не всегда означает облегченное содержание. «Легкое» — это то, что читается без напряжения, с интересом, это книга, которая сама захватывает читателя.

Это не означает, что массовому читателю не нужно ничего, кроме занимательности. Даже самому неискушенному нужны книги о мужестве и благородстве советского человека, его современники.

Свидетельством тому служит неугасающий интерес к книге о войне. Война — это прошлое. Но прошлое недавнее, в котором участвовали или сами читатели, или их родители. Иное дело классика, литература прошлого века.

За последние время сложилась группа молодежи, которая окончила десятилетку и поступила на завод, но только парочку из них изучает по критическим материалам великие произведения русской литературы. Это молодые люди, которые сознательно ставят своей задачей быть людьми большой культуры. Но их не так уж много. И хотя здесь совсем небольшая школа, нельзя всю ответственность целиком возлагать на нее одну. Ведь не только в стенах школы складываются литературные интересы. На одном диспуте ученица 9-го класса Иваница жаловалась на своего друга, который мало читает: «Я ем у него какую-нибудь «Анну Каренину» советую прочитать, а научно-фантастический роман. Ведь он хочет стать физиком!» Можно обвинять ученицу 9-го класса в недостаточной культуре, но надо

ли обвинять молодежь в том, что она предпочитает смотреть в будущее, а не в прошлое? Слишком далека «Анна Каренина» с ее судьбой, с ее переживаниями от современной советской девушки. Другое дело научно-фантастический роман. Он для нашей молодежи актуален, она ищет в нем свое будущее.

Каково бы ни было значение классической литературы, она все же говорит о прошлом. Читателю нужно и другое. Диспут, на котором выступила ученица Иваница, мы посвятили прошедшей на страницах «Комсомольской правды» дискуссии о месте искусства в нашем обществе. На диспуте присутствовали самые молодые наши читатели — учащиеся старших классов соседней школы, но все, но те, кто любит литературу и искусство. Большинство из них со свойственной молодежи категоричностью, в почти афористической форме проанализировали свой единственный приговор: «Человек больше делает для коммунизма, если потратит три часа на решение физической задачи, чем если поедет на концерт Чайковского». «Без техники нельзя было бы жить, а без искусства можно». «Что принесет пользы поэты — Циолковский или Бетховен?»

Конечно, у нас нашлось немало возражений, опровергающих точку зрения юных читателей. Мы спорили и о юношеских утилитарных взглядах, но вызвал у нас возмущения. Мы видели, что за ним стоит благородная молодая тревога. «Что я сделаю! Каким я должен быть, чтобы принести как можно больше пользы коммунизму?» — спрашивают они себя. Ученица 9-го класса Самойлова говорила о том, что стихи Есенина его волнуют и проникают ему в душу, но он готов отказаться от наслаждения его поэзией ради того, чтобы целиком отдать себя делу, науке. И Борсья против этих благонамеренных заблуждений, мы знали, что единственно наш веский довод против них — это книга, хорошая книга, которая вмещалась бы в жизнь этой молодежи, стала бы необходимой нашим гостям.

И, конечно, нужна не только научная фантастика, любезная сердцу ученицы Иваницы. Нужна книга о жизни, временах, переживаниях, любви нашего современника. Разумеется, К. Зелинский прав, когда говорит о литературе о влиянии на психологию современного поколения сейчас тактической революции. Но понять это влияние механически так же опасно, как изгнать духовный мир из литературы, оставив описание фактов. Как бы ни развивалась техника, как бы она ни приближалась к живому организму, духовный мир человека останется всегда неизмеримо сложнее и глубже. Великая заслуга кибернетики в том, что она освобождает человека от черной умственной работы, давая простор полету его ума, его духовных сил. Дать писателя — не просто отразить влияние техники на психологию, но именно раскрыть те просторы, которые она открывает перед человеком сегодня.

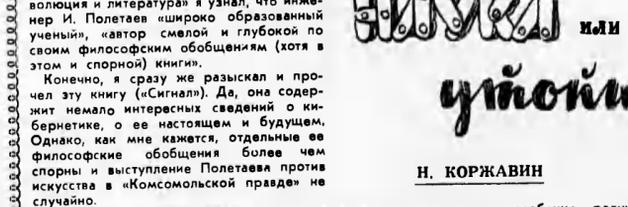
Хороший современный роман с равным интересом читают все: и любители детективов, и любители заведных новинки, и молодежь, и старики. Часто читатели бывают не согласны с автором. Они возмущались отчасти и отцу Поли из «Русского леса» Л. Леонова, корили Г. Николаева за пошлость в описании молодой Тины и Бахирева. Но они были глубоко благодарны и Леонову, и Николаеву за то, что эти писатели показали им настоящую, живую жизнь. Никто еще из молодых любителей детектива не отказался прочесть умную книгу П. Нилина «Жестокость». А какое большое подспорье в работе библиотекаря новые глубокие романы о войне — «Живые и мертвые» К. Симонова и «Последние залпы» Ю. Бондарева! Молодежь охотно читает и «Продолжение легенды» А. Кузнецова, и «Все впереди» А. Ревемчука — книги, где ей дается суровое, но оптимистическое представление о жизни. В каталоге массовой библиотеки найдется немало названий интересных и умных, полезных книг. Но как редко они оказываются на полке, под рукой библиотекаря тогда, когда к нему приходит молодой или неискушенный читатель! И как часто библиотекарь бывает вынужден выдать посредственную или даже слабую книгу, чтобы хоть как-нибудь удовлетворить читательский спрос!

Л. НАППЕЛЬБАУМ,
библиотекарь

МОСКВА

НА ГАЛЕРЕЕ.

Фото М. Трахмана

НА ГАЛЕРЕЕ.

Из статьи К. Зелинского «Научная революция и литература» я узнал, что инженер И. Полетаев широко образованный ученый, «автор смелой и глубокой по своим философским обобщениям (хотя в этом и спорной) книги».

Конечно, я сразу же разыскал и прочел эту книгу («Сигнал»). Да, она содержит немало интересных сведений о кибернетике, о ее настоящем и будущем. Однако, как мне кажется, отдельные ее философские обобщения более чем спорны и выступление Полетаева против искусства в «Комсомольской правде» не случайно.

Вот, например, какие преимущества машины перед человеком особенно радуют И. Полетаева: «Машина не станет уклоняться от трудных вопросов, как это часто склонно делать человек... Или: «Правда, сегодня ни одна самая сложная машина не помнит дела еще к той грани, за которой начинается сознание, и мы не знаем, перейдет ли она когда-нибудь эту грань. Но ничто, кроме предубеждения и предрассудков, не должно препятствовать этой гране...»

«Вот как, по словам «Марксизм today», представляют себе будущее человечество некоторые буржуазные ученые: «... Не следует удивляться, когда Джон Кемен, изучая весьма интересную теоретическую проблему о возможности создания машины, способной воспроизводить самих себя, неожиданно приходит к выводу, что вследствие якобы неизбежного истощения сырьевых ресурсов эти машины неминуемо вступят в конфликт друг с другом, подражая даже в этом своим создателям — людям. Такие машины, способные воспроизводить самих себя, если верить Кемену, будут способными не только развиваться в соответствии с законами биологии, подвергаться мутациям и т. д., но и вступать в борьбу друг с другом за жизненное пространство и приду, таким образом, к уничтожению друг друга».

Я попытался представить себе, что было бы, если бы вдруг случилось невозможное — осуществилась бы эта мрачная утопия.

В них всегда разумность наших знаний, признана логических путей. «Данные приборов, а не чувства. Всплыви лапы — вопрос и эмг ответ. «Да» и «нет» сто раз в секунду — стусю — Неправных озарений свет... Человеч, конечно, так не может. Но для беспокоества тут нет причин Превосходство...

Нас ведь не тревожат Превосходства всех других машин. И опять — сильней мы только стали От того, что эти так умны. Мы затем их только и создали, что такие нам они нужны... Так и будет... Смогут все с годами. Нам следует, не мучаясь, не любя...

ШУЖКА или **утойния?**
Н. КОРЖАВИН

Столько было распято, убито! Как бурлила мысль, толпел во мглу. Чтоб сегодня просто и открыто Роботы шагали по земле. Пусть они пока что неуклюжи (как и мы в младенческие дни). Но уже теперь мы в чем-то хуже: И слабее в чем-то, чем они. Люди! Люди! Как неуговорны, Как несовершенны мы во всем. Постигаем точные законы И без всякой точности живем. К истине пряди, мы тут же... сразу Рвемся в дело, не считаясь с ней. Потому что жизнь мутит нам разум Страстью и подробностями дней. А они ровней и постоянней. Совершенней нас, — живых людей...

И воссоздаваться будут сами. Даже совершенствовать себя. Будут нам на пользу их искания. Но однажды завершится труд. И обнищав вдруг самосознание Точные машины обретут. Я не знаю, как к тогда все будет. Но по всем законам естества Раздражать начнут их скоро люди, Нервные живые существа. Ну на что мы сможем им сподяться? Суета, — а пользы никакой... И они от нас освободятся Захотят — по логике людской. И пойдут, — и мертвые раздавят С помощью науки живые существа. Что мы сможем противопоставить Нашей мысли, воплощенной в них? Пусть тот мир не будет нам признан. Мы вконецем в той крошечной мгле... И пойдут развитие без жизни На вышедшей всякое земле. Смогут споры. Мир людских загадок

Отомрет навеки в тот же час. И настанет истинный порядок На земле, очищенной от нас. Он настанет... Наша неуклюжесть Сгинет с нами вмиг в чаду огня. Ни таких, как у тебя, замужеств. Ни таких женитьб, как у меня. Все быстрее они плодятся и станут... Что ж такого?.. Была колела! Но настанет день — и неостанет На земле для этого сырья. Поща, учув это, очень скоро Об угрозе без всяких драм Сообшат точнейшие приборы Остроумно созданным мозгам. Мысль включится. Щелкнут лампы

И не надо принимать людей. Самоценна только жизнь живая, Мертвая природа служит ей. Забыть про это — не причины. Что ни говори, а все равно Нам дано придумывать машины. Быть людям машинам не дано.

Рис. Е. Мигунова

ДВА ИНТЕРВЬЮ ОБ ОДНОМ ПОРТРЕТЕ

На столе лежала грудка конфертов. Он что-то искал в них и продолжал рассуждать: — Да, конечно, я многого ждал от встречи с Родиной. Но разве можно было предполагать, что она окажется настолько интересной? Хотел много работать — куда там! Выставки, театры, музеи, друзья — старые и новые, старшая неузнаваемая Москва — все это меня захватило и похлорило. Но кое-что все-таки успел: портреты Кленкова, Михалкова, несколько городских пейзажей. В следующий приезд обязательно буду рисовать артистов балета. Начало положено. Вот, посмотрите...

— О, вы и представляете себе не можете, что значит в Америке имя Улановой. Успех, триумф — все это слишком невыразительные слова. Нужно было видеть своими глазами! Мог ли я не гордиться этим? Мог ли не рисовать эту волшебницу?

— Художник уехал, но портрет оставил здесь. И мы решили узнать у Галины Сергеевны Улановой его историю. Вот ее рассказ:

— Мы познакомилась с Борисом Филоповичем в 1959 году в Нью-Йорке — он пришел за кулисы перед первым нашим выступлением. После этого прихода на все спектакли, у меня было очень мало времени, но все же несколько раз, до начала представления или в отделециях, где не была занята, я позировала ему.

Шалыгин рассказывал много интересного о своем отце, о современной живописи на Западе, часто ничего общего с искусством не имея, показывая свои работы, подробно и очень заинтересованно рассказывая о Советском Союзе, о нашей стране.

Когда труппа Большого театра отправилась на гастроли в Канаду, Шалыгин приехал и туда. В Монреале он закончил этот портрет. Я изображена на нем в костюме и гриме «умирающего лебедя». Думаю, что портрет интересен далеко не только сходством. Главное: в рисунке есть движение. И за тем, что изображено, угадывается гораздо больше, воображением «дорисовывается» танец...

Галина Уланова. Рисунок В. Шалыгина (кортандш).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 июля 1960 г. № 78
М. ДОЛИНСКИЙ,
С. ЧЕРТОК

Раджендра Прасад: «СОВЕТСКИЙ НАРОД ЖИВЕТ РАДОСТНО»

— Что вы можете сказать о достижениях советского народа?

— Я нахожусь в Советском Союзе непродолжительное время. Поэтому, что бы ни сказал—это будет базироваться на очень слабом фундаменте.

— Но все, что я видел в Советском Союзе, произвело на меня очень большое впечатление. Я видел, что советский народ занят созидательным трудом и живет радостно. По отношению к таким настроениям, как я, советские люди выражают свою любовь. Деятельность советских ученых, исследователей может быть оценена, как достижение исключительно высокого класса, что, впрочем, сейчас признает весь мир. Культура советских людей также находится на высоком уровне.

— Я побывал в Москве, Ленинграде, Киеве, Сочи. Познакомился с величайшими сооружениями. Я увидел красоту, рожденную искусством.

— Что Вы, господин Президент, хотели бы передать нашим читателям?

— Передайте, пожалуйста, читателям «Литературной газеты» мой привет!

30 июня Московский университет чествовал своего нового почетного доктора исторических наук — Президента Республики Индии Раджендра Прасада.

Перед началом церемонии Президент с видовой площадки на двадцать четвертом этаже любовался величественной панорамой столицы.

— Как вы оцениваете успехи студентов-индийцев, господин ректор? — спросил Президент у ректора университета анатомии И. Г. Петровского.

— Они занимаются очень хорошо. Я знаю одного молодого студента-математика из Индии. Замечательный юноша! Его работы я рекомендовал для публикации в одном из изданий Академии наук СССР, где, как известно, печатаются только существенно новые и ценные исследования.

Через несколько минут Президент Прасад уже был в ярко освещенном актовом зале. Присутствующие тепло встретили гостей из Индии. Академик И. Г. Петровский сообщил, что совет Московского университета, отмечая выдающиеся заслуги Президента Раджендра Прасада в области исторических наук, единогласно избрал его почетным доктором исторических наук Московского университета.

Обратившись к присутствующей речью к ученым и студентам, Президент Прасад поблагодарил Московский университет за оказанную ему честь.

После церемонии Президент Прасад сделал в «Книге почетных гостей» Московского университета следующую запись:

«Я глубоко признателен Московскому университету за то, что он оказал мне высокую честь, присудив степень доктора наук. Этот университет широко известен во всем мире, заслужив своим исследованиями славу во всех странах. Здесь получают образование и индийские студенты, что исключительно ценно для моей страны. И за это я глубоко признателен.

Новое здание университета — величественно! И работа, которая происходит в нем, — великолепна!

Я выражаю свою благодарность и признательность руководству университета, свою любовь и лучшие пожелания его студентам.

Раджендра Прасад».

Затем Президент Прасад любезно согласился ответить на вопросы корреспондента «Литературной газеты».

После пребывания в Москве, поездке в Ленинград, Киев и Сочи 1 июля из советской столицы отбыл в Сталинабад Президент Республики Индии Раджендра Прасад с сопровождающими его лицами. По пути на родину он проведет несколько дней в Таджикистане и Узбекистане.

Над родиной этих юных жителей Демократической Республики Мали загорелась зоркая звезда свободы. 20 июня в Демократической Республике Мали.

КАЛЕНДАРЬ НЕЗАВИСИМОСТИ АФРИКИ

30 ИЮНЯ крупнейшая африканская колония Конго перестала быть «белгийской».

В своем послании на имя премьер-министра государства Конго Патриса Лумумбы глава Советского правительства Н. С. Хрущев пишет: «Своей исторической победой над силами колониализма народ Конго нанес новый серьезный удар по умиротворяющей колониальной системе и еще раз продемонстрировал непреклонную волю и решимость народов Африки окончательно покончить с этой позорной системой, основанной на эксплуатации, неравенстве и страданиях миллионов и миллионов угнетенных людей».

За последние семьдесят пять — восемьдесят лет политическая карта Африки второй раз меняет свою окраску и названия стран. Во второй половине XIX века происходил раздел Африки между европейскими империалистическими державами. Соперничая между собой, беспробудно подавляя сопротивление народов, они кроили политическую карту африканского континента на свои лапы. По призыву колонизаторов гражданский материки был разрезан на равные по существовавшим искусственным политическим границам. Всплеснувшие в эти границы территории окрашивались под тот цвет, каким на карте Европы окрашивалась та или иная европейская колониальная держава. Так на карте Африки, превращенной в лоскутное одеяло, появились названия, говорящие не о том, какой народ живет в стране, а о том, какой колонизатор в ней владычествовал: Португальская Гвинея, Испанская Гвинея, Британское Сомали, Французская Западная Африка, Белгийское Конго.

В середине XX века, вслед за крушением колониализма в Азии, стала разваливаться колониальная система и в Африке. Угнетенные народы колоний поднялись на борьбу за право жить свободно. Только за последние годы одно за другим появляются на ней независимые африканские государства — Ливия, Марокко, Судан, Тунис, Гана, Гвинея. 1960 год называют годом Африки. За первую его половину стали независимыми Камерун, Того, Федерация Мали, Малагасийская республика. В последние дни получили независимость Конго и Сомали.

Объединившиеся колонии бывшей Французской Западной Африки — Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольты, Нигер и Дагомея, создав Совет согласия, требуют предоставить им независимость немедленно. Руководящие деятели Совета согласия заявили, что провозглашение независимости нового государства намечено на август.

Объединившиеся в Союз Республик Центральной Африки французские колонии — Чад, Центральная Африка (ранее называвшаяся Убанги-Шари) и «Французское» Конго, а также Габон потребовали предоставления им независимости в ближайшем будущем.

В октябре этого года звали независимости в Африке — Нигерия. Территория Конго в 76 раз превышает территорию Бельгии. Конголезцы добыли ежегодно 11,5 тонны чистого золота, 5500 тонн зернистого кобальта, 360 тысяч тонн марганца, 240 тысяч тонн меди, 90 тонн серебра, миллионы каратов промышленных алмазов и более 600 тысяч каратов ювелирных алмазов, свинец, платину, радий. Разработки урана находятся в руках американских монополий. Европейцы, составляющие менее одного процента населения Конго, присваивают себе доход, равный тому, который получают здесь 99 процентов жителей страны.

Республике Сомали по своим размерам значительно больше территории Великобритании и Италии вместе взятых. Владеть частью чужеземных захваченных территорий в сердцах сомалийцев дух националь-

ной гордости и волю к восстановлению своей независимости. Мощное народное восстание охватило страну. Оно выдвинуло более двадцати лет подряд — с 1899 по 1920 год. Повстанцы мужественно сражались против итальянцев и англичан. Двадцатилетнее восстание было подавлено, но народ продолжал борьбу и к 1960 году вырвал у империализма свою независимость.

Бурный подъем национально-освободительного движения в Африке показал колонизаторам, что путь прямого насилия устарел. Им не помогают ни тяжелые танки, ни реактивные самолеты. Массовые расстрелы населения в Конго в 1959 году не запугали народ. Наоборот, революционная волна заставила империалистов отступить. Вынужденные уступить, колонизаторы стараются называть молодцы, еще на окрещивают государствам каменные военные или экономические союзы.

Но африканцы уже разгадали этот маневр империализма. На недавно прошедших конференциях народов Африки были приняты решения о методах борьбы против экономического неоколониализма. Сплотиться народы Африки и Азии и поддержка, оказываемая им странами социалистического лагеря, — могучее средство обеспечения независимости молодых африканских государств.

Еще недавно в Африке был провозглашен лозунг: «Независимость при жизни нынешнего поколения!» Теперь над черным континентом звучит новый, еще более энергичный призыв: «Независимость немедленно!»

Народы Африки, имеющие славное историческое прошлое, горят желанием повернуть годы, утраченные под гнетом колонизаторов.

Советские люди, верные и надежные друзья африканцев, всегда готовы оказать им бескорыстную поддержку, желают молодым независимым африканским государствам всех успехов в строительстве новой жизни.

С. ВОЛК

Отныне Леопольдвиль — столица нового независимого африканского государства Конго. На снимке: в центре Леопольдвиль.

МОСТЫ ДРУЖБЫ

В 1955 ГОДУ состоялось второе рождение австрийской Государственной оперы.

На ее торжественном открытии присутствовал почетный гость из Советского Союза — Дмитрий Шостакович. Наши деятели культуры с особым удовольствием приветствовали его. Это стало понятным, если вспомнить недавнее прошлое: во время войны здание оперы, которую некогда возглавлял наш выдающийся композитор Густав Малер, было разрушено американскими бомбами. А сразу после войны советское военное командование в Австрию послало группу специалистов, чтобы они восстановили стальную каркасную и тем самым предотвратили угрозу его окончательного разрушения. Ярки и очень памятные для нас факты. Он находится в истоках австро-советских культурных взаимосвязей в послевоенное время, а и нем всегда помнит лучшие представители нашей культуры.

Мирное сотрудничество предполагает широкий обмен культурными ценностями.

Мне приходят на память холодные руины голодающей Вены первых послевоенных лет, когда Фрэнк Свешникова и выдающиеся советские солисты (назову хотя бы лишь Давида Ойстраха) помогли нам восстановить контакты с культурной жизнью мира.

Немного времени прошло с тех пор. Москва и Ленинград познакомились с одним из выдающихся австрийских дирижеров Розефом Крином. Но в первые послевоенные месяцы давней была практически лишь советская сторона. И если мы припомним извлечение церковных колоколов, имеющих историческую ценность, из дальних украинских мест, или возвращение большой общественно-научной библиотеки Венской палаты труда, или передачу нашим музеям и архивам культурных ценностей — все это было, конечно, выдающимся делом во имя культуры. Правда, эти факты остались почти неизвестными широкой общественности, ибо были совершены как нечто само собой разумеющееся, так же как — без шума и помпы — были восстановлены советскими солдатами для австрийцев первые мосты через Дунай. Наши культурные связи хотелось бы назвать мостами дружбы.

Сегодня, когда маленькая Австрия выступает на мировой арене как равноправный партнер великого Советского Союза, австрийские деятели культуры (за исключением небольшой группы несправившихся апологетов «холодной войны») стремятся к укреплению постоянных плодотворных и дружеских контактов с СССР. Кто-то уже сделал, многое еще предстоит сделать. Об этом говорится в частности, на недавнем ежегодном конгрессе Австро-советского общества. Среди его активных членов можно увидеть, наряду со старейшим австрийским композитором Розефом Марком, выдающихся педагогов, ученых, а также представителей разных областей культурной жизни. Особое одобрение конгресса вызвало сообщение о том, что Советский Союз примет участие в праздновании столетнего юбилея со дня рождения Густава Малера. С радостью было отмечено, что выдающиеся певцы Венской оперы пользовались заслуженным успехом не только в Москве и Ленинграде, но и в ряде других городов. Мы радуемся успехам и представителям «легкой музыки» — венского «Айс-ревю» в Москве. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Мы хотели бы еще больше расширить и разнообразить эти контакты.

Потому совершенно естественно, что музыкальные сочинения Шостаковича включены в репертуар Большого венского симфонического оркестра, а Арам Хачатурян приглашен в предстоящем сезоне дирижировать оркестром венской филармонии.

С большим интересом были приняты австрийцами отчет о поездке в Советский Союз профессора Вольфганга Шпейзера и его сотрудников — венских педагогов, а также доклад венского вице-бургомистра Мандела о культурной жизни в СССР.

Заслуживают упоминания также факты, как то, что старейший австрийский знаток театра профессор Йозеф Грегор получил возможность выступить перед аудиторией советских ученых. К нашей

радости установилась постоянная переписка между австрийскими солистами с профессором Ягодичем во главе и учеными Советского Союза. Выдающийся ученый-этнограф профессор Этта Беккер-Доннер, преищница исследователя Кавказа Бленхштейнера, смогла осуществить весьма плодотворное путешествие в Среднюю Азию. Это лишь несколько примеров непосредственных контактов между австрийской и советской наукой.

Однако было бы неправильно думать, что все достигнутое в области культурных связей проходит гладко и без помех. Напомним с горечью, что из-за клеветнических кампаний, развернутой бывшими нацистами, Илья Эренбург не смог принять участие в «Европейском разговоре» в здании Венской ратуши. К этому нужно добавить, что современная советская литература, к сожалению, недостаточно известна в Австрии. Лишь совсем недавно произведения М. Шолохова стали доступными широкому читательскому кругу. В этом отношении особенно ярко проявляется зависимость австрийского книжного рынка от западногерманских книгоиздателей.

Каждый австриец будет рад узнать, что произведения австрийских рассказчиков от Ф. Грильпарцера до Л. Анненбергера и П. Розенбергера стали доступны русским читателям. Мы хотели бы, чтобы возможно более широкий круг советских людей познакомился и с новыми культурными ценностями, созданными в Австрии.

В эти дни, когда австрийский народ столь радушно встречает дорогого гостя Никиту Сергеевича Хрущева, перед деятелями культуры двух стран открываются новые просторы в деле культурного обмена.

Фриц ГЛАУБАУФ,
австрийский журналист.

РАСТЕРЯННЫМ ВИДОМ СПРАШИВАЕТ НАТУРЩИЦЕ У ХУДОЖНИКА, ДЕМОНСТРИРУЮЩЕГО ЕЙ СВОЮ НОВУЮ КАРТИНУ, ВЫПОЛНЕННУЮ ПО ВСЕМ «ЗАКОНАМ» АБСТРАКТНОЙ ЖИВОПИСИ. ТАКОВ СЮЖЕТ ОДНОЙ ИЗ ТРИДЦАТИ ДВУХ КАРТИН, ВОШЕДШИХ В НЕДАВНО ОПУБЛИКОВАННЫЙ ВО ФРАНЦИИ АЛБЬОНОВИЧЕВСКИМ И АБСТРАКЦИОНИЗМЫ ИЗВЕСТНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ХУДОЖНИКА ВЕРТЕСА.

В связи с выходом этого альбоме газета «Фигаро» пишет: «Возникает в нас чувство местного заблуждения: тридцать лет назад болели «абстракционисты... опустошались сейчас целые кварталы Нью-Йорка, Парижа, Рима, Амстердама. Она зарешила не только художников — и иногда отличных художников, — но и продавцов картин, любителей живописи, хранителей музеев, духовенство, ЮНЕСКО, национальное образование и полицию. Она не щадит ни детей, ни стариков, ни женщин. Миркоб особенно легко поражает хамелеонов и обезьян».

Против некоторых вирусов, продолжает газета, нет более действенной вакцины, чем умор. Художник Вертез своей кистью, как ланцетом, делает прививку «за-

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ЗАЧЕМ Я ВАМ ДЛЯ ЭТОГО ПОНАДОБИЛАСЬ?

раженным». Его остроумные рисунки снабжены лаконичными подписями: «Что мои бы в это поверили? До сих пор он никогда не брал а руки кисти!» — восклицает окруженная снобами жена художника перед творениями своего мужа. На воспроизведенном нами рисунке продавец картин спрашивает: «Я хотел бы знать, будет ли этот вертикальный период иметь такой же успех, как предыдущий горизонтальный?» Рисунки Вертеса были предельно вычужденными в одном из художественных салонов Парижа. «Да спусит они своим пылом и жаром тысячи заблуждающихся, попавших в тулки!» — желает «Фигаро». Вот один из нечестно встречающихся случаев, когда хочется присовокупиться и пожеланиям этой газеты.

БЕГСТВО... В РЕАЛЬНОСТЬ

— КАКОВА отличительная черта молодого испанского литературного авантюризма? Такой вопрос задает корреспондент французского еженедельника «Экспресс» испанскому писателю Хуану Гойтисоло. «Ее реализм», — отвечает молодой литератор. — Мы живем в Испании под таким ежедневным давлением «невероятного», что для нас, писателей, действительность служит единственной возможностью бегства. Бегство — действительность от прессы и национальной фанатичной пропаганды иногда дорого обходится испанским писателям. Младший брат Ху-

ан Гойтисоло только что вышел из тюрьмы. Он получил условное освобождение после того, как на несколько месяцев провела в фашистском застенке, хотя ему не было предъявлено никакого реального обвинения. «Преступлением Луиса Гойтисоло, — писала одна английская газета, — в глазах Франко и безоговорочно его поддерживающих верховных властей церковной власти является то, что он присоединился ко все возрастающему ряду мыслящих испанцев...» В своих книгах Луис Гойтисоло правдиво описывают современную испанскую действительность. Это вызвало гнев фанатичной газеты «Пуэбло», открывшей против них и против всей молодой испанской литературы настоящую травлю.

КЕЛЬНСКИЕ ДОНОСЧИКИ

Б ОЛЕЕ ста лет назад Генрих Гейне написал свой знаменитый памфлет «О доносчиках». В нем поэт разоблачил сыщиков от литературы, выступивших с «кнеслышками» в летописях немецкой литературы доносцами и навлекших на себя общее презрение.

С тех пор минуло более века, но, оказавшись «традиция» печатного доноса живы ныне в Западной Германии. Пример тому — недавно вышедшая в Кельне брошюра «Троичные стандарты», составленной неким Карлом Рихтером, кинжолки которой являются в эпоху коммунистической деятельности ни много, ни менее, как 800 лиц, работающих в области культуры.

Что же подразумевается под такого рода деятельностью? Всякий контакт с коммунистами ГДР, сообщает мюнхенский журнал «Панорама», являющаяся оппозиция по отношению к политике федерального правительства рассценивается автором брошюры как «троичная», «способствующие проникновению коммунизма».

Характерно, что того, как эта брошюра появилась в продаже, она была разослана кельнским «Издательством политической и экономической литературы» по учреждениям и организациям. «Совершенно ясно», — заключает журнал «Панорама», — что за этими действиями кроется определенная, недвусмысленный замысел, направляемый сверху.

Гейне своим памфлетом протестовал против нескольких доносцов. Кельнские доносчики поставили дело, как говорится, на широкую ногу: 800 коплексов сразу — о таком размахе не могли и помечтать их предшественники сто лет назад.

2. Чем занимается эти два венские девушки — не сразу и разберешься. Спросите их сами — и они ответят, что украшают свой город. Вена всегда привлекательна, но когда туда приезжают высокие гости, она должна выглядеть вдвойне нарядней.

Перечитывая Чапека

Ч АПЕКА у нас любят — его издавать часто, но книги его не залеживаются на прилавках. И в библиотеках они редко отыщутся на полках в ожидании читателей.

Сейчас вышло собрание его сочинений в пяти томах. — Ниско подписчиков перешагнуло за сто тысяч. В оформлении книги нарушена академическая строгость подлинного издания, и читатели, разумеется, будут только благодарны издателям за такое доброе отступление от стандарта. И в ярких переплетках, и в своеобразных рисунках на обложке, и в заставках увлечен дух Чапека, художника острого и лаконичного (оформление Л. Подольского). Два первых тома украшены рисунками самого Чапека.

Я открыл первый том и с наслаждением начал перечитывать этого отличного писателя. Впрочем, перечитывать — это не совсем точно. Многие публикуется у нас впервые: небольшие очерки, зарисовки, фельетоны, юморески, то, что Чапек печатал в газетах, но что пережило газету, ибо у большого художника даже в маленькой заметке всегда есть серьезная мысль.

По многообразию жанров Чапек напоминает Чехова, который говорил о себе, что он писал все, кроме доносов. Вообще, читая Чапека, вспоминаешь Чехова. Мне кажется, что Чапек очень любил Чехова, очень внимательно его читал. У Чапека, как у Чехова, от смешного до печального один шаг — удивительное соединение серьезного и шутовского. И поразительное умение рассказать задуманно и поэтично об обыденном.

В прошлом году я был в Праге, побывал на могиле Чапека. Быть в его доме, к сожалению, не удалось — вдова писателя, известная актриса Ольга Шейнфлютова, была серьезно больна. Дом Чапека окружен небольшим садом.

Во втором томе собрания сочинений впервые печатается у нас одна из ранних книг Чапека «Год садовода». Начинается она так: «Есть несколько способов разбивать сад: лучший из них — поручить это дело садовнику».

Это — обычная шутка Чапека. Писатель набрал другой способ. Действительно лучший, — он разбивал сад сам. Он увлекался садоводством, вернее, не увлекался, а любил его серьезно и постоянно. Он изучал агротехнику, ботанику, даже геологию.

Но, будучи страстным садоводом, был вместе с тем не менее страстным путешественником, хотя, казалось бы, садоводство обязывает к домохозяйству. Этим он тоже похвал Чехова. Чехов своими руками превращал пустыри в цветущие сады, но ему мало было удобного участка, ему нужен был весь мир.

Во втором томе напечатаны путевые очерки Чапека. Некоторые из них мы знали ранее, с большим восторгом знакомимся впервые. Эти очерки не дают, разумеется, подробного и обстоятельного знакомства с той или иной страной.

Это зарисовки. Они и создавались так — сначала Чапек делал рисунок, который заменял писателю дорожные заметки, а потом уже эти рисунки обрастали текстом.

Серия этих беглых зарисовок — великолепный образец наблюдательности и выразительности и лаконичностью воздействия, как живопись, как рисунок.

Изобразительное искусство — хочется сказать о такой прозе.

Чапек смотрит на страну глазами туриста, которому хотят показать лучшее, да который, видимо, и сам стремится увидеть лучшее, хорошее, — так вот уж психология туриста, в этом его отличие от исследователя.

В написанных с точки зрения туриста очерках обычно обходятся социальные вопросы. Но в задушевный тон доброго рассказчика-юмориста нередко врываются и другие ноты. «Письма из Англии» написаны с юмором, достоянием этой классической страны юмора. Чапек ведет нас в путешествие по Англии с улыбой. Но эта улыбка исчезает, когда мы попадаем с нашим добрым гидом в Ист-Энд, когда он начинает рассказывать об угнетенных Англией колониальных народах. В «Прогулке в Испании» он ведет читателя не только в красивые и экзотические места, но и на рабочие окраины. Особенно отчетливо слышатся социальные мотивы в очерках о скандинавских странах — «Путешествие на север»: это была последняя дальняя дорога безвременного умершего писателя.

Если бы Чапек не написал ничего, кроме путевых очерков, все равно по ним можно было бы увидеть его зрелость — и художника, и гражданина. В своем первом путешествии — в Италию — писатель увидел первых фашистов. Они попали в его орбиту ненадолго, но этого было достаточно, чтобы высмеять их. Он писал, что чернорубашечники своей формой похожи на трубочковистов. Он заметил, что у фашистов «приветствие заменяет этаким взмахом руки, до того резкий, что прямо путаешься».

Чапек скоро понял, что фашизм несет несчастье всему человечеству, и создал такие антифашистские произведения, как «Мать» и «Война с саламандрами».

Чапек удивительно любознательный, можно сказать, одержимый путешественник. «Человеку все надо видеть, но всему приспосабливаться... — пишет он в очерках об Испании. — До всего хотя бы дотронуться пальцем. Весь мир поглядеть ладонью. Сколько радости — видеть и трогать то, что тебе еще не знакомо! Потому что каждая особенность в вещах и людях обогащает жизнь».

Прочитайте «Картинки Чехии», «Прогулки по Праге», словесные очерки, и вы почувствуете, какой горячей и нежной любовью любит этот писатель-путешественник родную страну. Сколько здесь задуманного и трогательного, написанного добрым пером!

Впрочем, Чапек не всегда бывает светлым живописцем родных городов и деревень. Вот он отравляется вместе с полубезумным обходом в пражские трущобы — с гневом и горечью пишет он о нищете, безработице, проституции. Он развешивает перед нами Прагу дудью и отчаяния.

В четвертом и пятом томах напечатана большая проза писателя — романы и повести. И здесь читателя ожидает новое — некоторые из вещей у нас не печатались, а роман «Кракатица» выходял больше тридцати лет назад и был популярен читателей тоже будет новинкой. Меня как драматурга, естественно, больше всего заинтересовал третий том, где собраны пьесы Чапека (большинство их также публикуется у нас впервые). Думается, что они тоже с интересом будут встречены читателем.

Чапек говорил, что работа писателя напоминает скорее охоту, чем строительство храма по заранее подготовленному плану. Однако его пьесы привлекательны не только богатством и оригинальностью характеров, не только лаконичным и острым диалогом, но и сложной композицией, увлекательным, искусно построенным сюжетом. Каждая пьеса — это сложная и изящная постройка.

Для драматургов пьесы Чапека — хорошая литературная школа.

Хотелось бы, чтобы их внимательно прочитали и наши сценические деятели — режиссеры и актеры. Пьесы Чапека живут и сегодня, им должно найтись место на нашей театральной арене.

Из пьес Чапека у нас сейчас идет лишь комедия «Средство Макропулоса», идет, кстати сказать, с большим успехом. Заслуживает, по моему, сценического воплощения и первая комедия Чапека «Разбойник» — в ней писатель разрабатывает тему, проходящую лейтмотивом во всех его произведениях, — тему несправедливости устройства мира. Стоит подумать и о пьесе «РУ» — произведении противоречивом, но в основе дающем уничтожающую критику капитализма, — недаром эту социальную комедию так высоко оценили в свое время Горький и Луначарский. Не потеряла актуальности и «Белая болезнь» с ее беспощадным обличением фашизма.

И, несомненно, большой зрительский интерес вызовет пьеса «Мать». Драматический рассказ о матери, потерявшей в войнах мужа и сыновей, прозвучал со сцены советских театров еще перед войной — пьеса шла в Ленинграде, Свердловске и ряде других городов.

Прошло больше двадцати лет после смерти Чапека. Но он продолжает жить как наш современник. Его книги волнуют и старое, и новое поколения читателей.

